

Константин Барит (С.-Петербург)

ЖИТИЕ И ТВОРЕНИЯ ГРИГОРИЯ БОГОСЛОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Св. Григорий Богослов (Назианзин) отсутствует в списке православных писателей, произведения которых, по общему признанию, оказали влияние на творчество Ф. М. Достоевского. Его имени нет в «Летописи Ф. М. Достоевского»¹, а также в наиболее полном к настоящему моменту своде книг, находившихся в поле зрения писателя, «Библиотеке Ф. М. Достоевского»²; зафиксировано оно в сноске к публикации черновых записей к роману «Идиот» в Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского³, не попав при этом в именную указатель издания. До сих пор не обнаружено никаких прямых свидетельств знакомства писателя с житием и произведениями Григория Богослова; можно лишь утверждать, что писатель знал это имя, размышлял о его жизни и произведениях, записывая его особым «каллиграфическим» способом в своей «записной тетради»⁴.

Изучение специфики использования этой формы записи в творческом процессе Достоевского показало, что та-

¹ Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: В 3 т. СПб., 1993—1995.

² Библиотека Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание. СПб., 2005.

³ *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1974. Т. 9. С. 249 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страниц).

⁴ См. п.л. 1. Текст на странице: «Восстание острова Крита», «Moscou», «Julius Cesar», «Василий Великий», «Григорий Богослов», «Иоанн Златоуст», «Евангелие Иоанна Богослова», «Князь Христос», «Petrus» (РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 7, л. 97).

Julius Cesar
P. Rasle, Moscou
Peterus
Восстаніе острова Крута,
Самренный Мелань Зомира,
Василий Великий, Григорий,
Григорьев, Иоанн Влаточетъ,
Евангелие Иоанна, Григорьева,
Князь Архимъ,
76

кого рода идеограммы возникали в «тетрадах» писателя отнюдь не случайно. «Каллиграфические» записи имен в тетрах Достоевского сопутствовали обдумыванию определенных идей, событий или фактов, связанных с обстоятельствами личной судьбы или почерпнутые им из произведений того или иного писателя или деятеля мировой истории. На основе ряда событий, отобранных в процессе такого размышления, сопровождаемого каллиграфическим письмом, формировалась затем фабульная основа того произведения, над которым работал в данный период Достоевский. Запись имени определенного лица становилась способом некой графически идеальной фиксации характера, становящегося затем прототипом персонажа, утверждаемого в формирующемся художественном мире⁵. Учитывая эти обстоятельства, можно утверждать, что, вне зависимости от степени знакомства Достоевского с трудами и житием Григория Богослова Назианзина, его имя находилось в орбите внимания писателя, в 1868 г. работавшего над построением сюжета романа «Идиот» — о жизненном пути нравственно совершенного человека в условиях России XIX в.

Произведения и жития Григория Богослова начиная с конца XVIII в. часто публиковались в периодической печати и в виде отдельных изданий⁶. Нельзя не учитывать, что

⁵ См.: Барит К. А. Рисунки в рукописях Ф. М. Достоевского. СПб., 1996. С. 112—130.

⁶ См: Слово первое защитительное Святого Отца нашего Григория Назианзина, по случаю бегства его, по рукоположении во Пресвитера, в Поит и возвращения оттуда, о том, каков сан священства и каков должен быть епископ. СПб., 1840; Святого отца нашего Григория Назианзина пять слов о богословии. СПб., 1841; Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского // Творения святых отцов в русском переводе с Прибавлениями духовного содержания, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1843. Ч. 1—2; М., 1844. Ч. 3—4; Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. 2-е изд. Ч. 1—2. М., 1851; Житие святого Григория Назианзина, архиепископа Константина града, писанное им самим, с присовокуплением поэмы на несчастья в его жизни, с картиною. М., 1842 (2-е изд.: 1845, 3-е изд.: 1857). Ранее выходило житие Григория Богослова в другом переводе с французского, «издвиением Н. Новикова и компании»: «Житие св. Григория Назианзина, писанное им самим, с присовокуплением философической поэмы на несчастья в его жизни» (М., 1783). Писатель

сам Григорий Богослов позиционировал себя не просто как борца с арианами за правильное понимание Троицы, но как поэта и философа. Не только 45 «слов», но и стихотворения Григория Богослова («Песнопения таинственные»), его «Мысли» и «Двустихия» являются важнейшей частью его литературного наследия, они неоднократно печатались при жизни Достоевского⁷. Биограф свидетельствует, насколько высоко ценил литературное творчество сам Григорий Богослов: «...упражнение в стихотворстве (...) по собственному его признанию, доставляло ему ту же пользу, какую и труды собственно подвижнические»⁸; его житие, которое, по сути, есть исповедальная автобиография, обладает выдающимися художественными достоинствами. Хорошо известен повышенный интерес Достоевского к произведениям этого жанра. Кроме того, Достоевского могла привлечь к трудам Григория Богослова поразительная, даже на фоне исповедальных подвигов других святых, откровенность позиции повествователя, близкая по степени обнаженности личных движений души к «исповедям» Августина или Руссо⁹; один из законодателей догматического богословия, по стилю мышления и письма догматиком не был; он не раз выражал свою склонность к изящной словесности, философии и научному знанию. Обращают на себя внимание также остроумие и необычный для православного епископа парадоксализм мышления

также мог познакомиться с трудами и житием Григория Богослова по изданиям: «Богословский трактат, или Христианское рассуждение о четырех последних человека. I. О смерти. II. О суде. III. О муках геенских. IV. О радостях небесных. С присовокуплением надгробного слова, говоренного Святым Григорием Назианзином на блаженную кончину Святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесари Каппадокийские» (СПб., 1795).

⁷ *Григорий Богослов*. Стихи («О печали». «О Сыне». «О Святом Духе». «О мире»). Мысли. Двустихия // Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова... М., 1844. Т. 4. С. 215–277, 360–363, 364–369.

⁸ Жизнь св. Григория Богослова // Прибавления к изданию Творений Святых Отцов. Год первый. М., 1843. С. 71.

⁹ «Сей собор утвердил меня на кафедре Епископской, не внемля ни волю, ни стесанию моему. Впрочем, я несплюбно противился... (...) ... я в великих делах самоуверен, как и всякий другой» (Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим, с присовокуплением поэмы на несчастья в его жизни. М., 1842. С. 188–189).

Григория, который, к примеру, предположил, что если бы население Земли составляли исключительно «одни плуты», то человечеству было бы значительно легче — «менее бы человеки друг другу вредили»¹⁰, так как систематически в нашем мире «добрые бывают добычею злых», что порождает массу проблем¹¹. Такого рода логических конструкций немало в его произведениях.

В произведениях Достоевского, особенно в романе «Братья Карамазовы», можно обнаружить сюжетные ходы и эпизоды, сходные с описанными в текстах Григория Богослова. Следует отметить, что нахождение аллюзий на писания Отцов Церкви представляют собой особенную сложность еще и потому, что в богословских текстах разных авторов часто наблюдается хорошо понятное сходство в темах, мотивах и сюжетах; кроме того, многоуровневую цитатную сеть образуют ссылки на Священное Писание и предшественников — других богословов, философов и писателей. Например, в текстах Григория Богослова налицо ссылки не только на Священное Писание, Иоанна Златоуста, других предшественников, но и на философов, далеких от христианства, например Платона. Стиль изложения в произведениях Григория Богослова отличается большой живостью, искренностью и непосредственностью, что не могло не понравиться Достоевскому; его автобиографическое житие есть настоящее произведение словесного искусства, не говоря уж о его прозаической поэме «О несчастьях моей жизни», жанр которой весьма близок к «Поэме» Ивана Карамазова. Григорий Богослов как подвижник, философ и поэт — биографическая модель, которую стремился осуществить в своей жизни Достоевский и на уровне личной судьбы, и в судьбах героев своих произведений¹².

С каким изданием жития и/или трудов Григория Богослова познакомился Достоевский, можно лишь предполагать. Учитывая два обстоятельства: время появления каллиграфической записи «Григорий Богослов» в записной тетради Достоевского и его местопребывание за границей

¹⁰ Там же. С. 105.

¹¹ Там же. С. 106.

¹² Там же. С. 36 (примеч. «а»).

во время создания этой записи, — это могли быть издания с конца XVIII в. по 1867 г., когда он в середине лета вместе с А. Г. Достоевской уехал за границу. Возможным ключом к разгадке может служить соседство имени Григория Богослова с каллиграфически написанными рядом именами Василия Великого и Иоанна Златоуста; эти три имени явно образуют на странице графически-композиционное и смысловое единство. В связи с этим нельзя не обратить внимание на то, что как раз в 1867 г. вышла небольшая брошюра, название которой содержало тождественную комбинацию из трех имен¹³. На прилагаемой к изданию литографии трое святых изображены стоящими рядом, с явным намеком на то, что в качестве исторических личностей они образуют единое целое.

Возможно также, что Достоевский познакомился с творениями и житиями трех святителей по весьма известному и популярному в середине XIX в. православно-просветительскому периодическому изданию: «Творения Святых Отцов в русском переводе», которое сопровождалось историко-богословским журналом «Прибавления к Творениям Святых Отцов». Издание выходило с 1843 по 1891 г., по 1—4 книжки ежегодно, с перерывами (1843—1864, 1871—1872, 1880—1891). Отметим, что в первых четырех томах этого издания (по два тома в 1843 и 1844 гг.) вышли творения Григория Богослова (Т. 1—4), а в 1845—1848 гг. — творения Василия Великого (Т. 5—10). Параллельно этому в первом номере «Прибавлений к Творениям Святых Отцов» вышла обширная и весьма информативная статья М. Салмина «Жизнь Григория Богослова»¹⁴, во втором — «Жизнь св. Василия Великого» А. Горского (1845), в третьем — «Жизнь Иоанна Златоуста в распространении Евангелия между язычниками» Д. Левицкого (1844)¹⁵. Здесь еще один пример соседства имен Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Злато-

¹³ Житие святых вселенских святителей и учителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. (С приложением хромолитографии, изображающей сих святителей). СПб., 1867.

¹⁴ Жизнь Св. Григория Богослова // Прибавления к изданию творений Святых отцов. Год первый. М., 1843. С. 5—72.

¹⁵ См.: Указатель к Творениям Святых Отцов с прибавлениями духовного содержания за двадцать лет (1843—1862). М., 1863.

уста, однако, разумеется, это могли быть другие издания, в добавление к упомянутым или вместо них¹⁶.

Интерес Достоевского к жизнеописанию выдающегося православного подвижника, поэта и философа мог возрасти в период работы над романом о «положительно прекрасном человеке», «князе-Христе», и далее, в продолжение этой темы, во время написания «Братьев Карамазовых». Однако, если нет прямых доказательств знакомства Достоевского с трудами и житием Григория Богослова, то налицо ряд смысловых совпадений, тематических сближений и мотивных связей, которые можно обнаружить в опубликованных при жизни Достоевского текстах Григория Богослова и в романе «Братья Карамазовы», особенно в описании жития старца Зосимы и в его записанных Алексеем Карамазовым «поучениях».

В «Примечаниях» к роману «Братья Карамазовы» в Полном собрании сочинений писателя указывается на несколько прототипов старца Зосимы, главные среди которых — оптинский старец Амвросий¹⁷, святитель Тихон Задонский¹⁸, святой Зосима (Захарий) Тобольский (см.: 15, 456—457)¹⁹. Немало интересных соображений о право-

¹⁶ В том же 1868 г. вышло двухтомное издание писаний св. Григория: «Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского».

¹⁷ См.: *Священник Геннадий (Беловолов)*. Оптиные предания о Достоевском // Достоевский: Материалы и исследования. СПб., 1997. Т. 14. Согласно свидетельству К. Н. Леонтьева, в Оптиной пустыни роман «Братья Карамазовы» православным сочинением «не признают, и старец Зосима ничуть ни учением, ни характером на отца Амвросия не похож. Достоевский описал только его паружность, но говорить его заставил совершенно не то, что он говорит, и не в том стиле, в каком Амвросий выражается» (цит. по: Достоевский и его время. Л., 1971. С. 214).

¹⁸ Об этом Достоевский написал Н. А. Любимову 7/19 августа 1879 г. из Эмса: «Эта глава («О Священном Писании в жизни отца Зосимы») восторженная и поэтическая, прототип взят из некоторых поучений Тихона Задонского, а наивность изложения — из книги странствующий инок Парфения» (30, 102).

¹⁹ См. об этом: *Конюхов И. С.* Памятная историческая записка, или летопись, о городе Кузнецке с пачала его основания и о некоторых событиях и о прочем, учиненная в 1867 году и последующих за оным и Прочие записки, к ней для памяти принадлежащие (Научная библиотека Томского государственного университета. Отдел рукописей и книжных памятников. Витр. 783, л. 24 об.). См. также: *Преподобный старец Зосима Верховский*. Творения. Свято-Троиц-

славных деятелях, которые могли попасть в орбиту внимания Достоевского в русле работы над романом «Братья Карамазовы», содержится в работе М. С. Альтмана²⁰. Р. Я. Клейман указывает на имя Паисия Величковского²¹; есть еще предположение, что на формирование монастырской темы в «Братьях Карамазовых» оказало влияние житие старца иеросхимонаха Анатолия (Потапов), келейника и ученика старца Амвросия, в роли прототипа Алеши Карамазова. Существует также версия, что прототипом Зосимы является старец Леонид, ученик Паисия Величковского, получивший имя «возобновителя старчества» на Руси²². В числе православных святых, попавших в поле зрения писателя и сыгравших определенную роль в формировании идеологии романа, называются также Исаак Сирин, Иоанн Лествичник, Феодосий Печерский, Нил Сорский²³. Н. Ф. Буданова указывает, что интерес к произведениям православных писателей со стороны Достоевского отмечен с начала 1860-х гг., однако некоторые тексты сопровождали его всю жизнь с раннего детства. Это относится к трудам Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Нила Сорского, книгам Священного Писания (Ветхий и Новый Заветы, в том числе Книга Иова в русском переводе), исследователь называет также Псалтирь, Часослов, богослужебные каноны; труды Отцов Церкви; книги по истории Церкви, Жития святых; любимая книга Достоевского «Сказание о

кая Сергиева Лавра, 2006; Андрианов А. Ю. Скитская и монастырская жизнь первой трети XIX в. в трудах отца Зосимы (Верховского) // Православие и русская народная культура. М., 1993. Кн. 2.

²⁰ Альтман М. С. Прообразы старца Зосимы // Достоевский и его время. С. 213–216.

²¹ Исследователь утверждает «премущественность духовных традиций «великого старца» по цепи «Паисий — Зосима — Алеша — мальчики» (см.: Клейман Р. Я. 1) На перекрестке культур // Русское слово. 1990. № 3. С. 43–48; 2) Житие и труды Паисия Величковского в контексте славяно-молдавских культурных связей // И дым Отечества... Кишинев, 1991. С. 43–56).

²² Леонтьев К. Н. Оптиный старец Амвросий // Гражданин. 1891. С. 305, 313; Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского. СПб., 2001. С. 124.

²³ Достоевский писал о «старцах» в «Дневнике писателя» за 1876 г. как о посетителях высоких религиозно-правственных и исторических идеалов русского народа (22, 43–44). См. также: Плетнев Р. Сердцем мудрые: (О «старцах» у Достоевского) // О Достоевском: Сб. статей. Прага, 1929. Вып. 2. С. 73–92.

странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника Святыя Горы Афонския инока Парфения» (1856); книги о Христе православных, католических и протестантских богословов; работы современных Достоевскому церковных писателей — Т. И. Филиппова, И. Л. Янышева, А. М. Иванцова-Платонова. Судя по всему, Достоевского интересовала также история раскола и старообрядчества²⁴.

Особенность фабулы «Братьев Карамазовых» предопределила интерес Достоевского к образу жизни и житиям отцов церкви и известных старцев; эти тексты оставили более или менее явный аллюзивный след на «Поучениях» старца Зосимы. Например, в записанных Алешей Карамазовым рассуждениях Зосимы содержится скрытое цитирование известного эпизода из жития Сергия Радонежского (встреча святого с медведем, которому он дал кусок хлеба)²⁵. Отношения между старцем Зосимой и Алешей Карамазовым заставляют вспомнить о подобного же рода связи между Тихоном Задонским и его учеником Никандром Бахтеевым, которого он поучал «словом Божиим»²⁶. История с пострижением в монахи молодого офицера, рассказанная Зосимой, напоминает эпизод из жизни Дмитрия Александровича Брянчанинова, ставшего впоследствии архимандритом Троице-Сергиевой пустыни, затем получившего сан епископа (Кавказского) и в последние годы жизни принявшего старчество²⁷. В романе Достоевского можно также обнаружить аллюзии на жития Зосимы Палестинского (VI в.), Зосимы Соловецкого (ум. 1478), Марии Египетской (ум. 1522), Серафима Саровского (1759 (по другим данным 1754) — 1833). Такому обилию прототипов Зосимы не следует удивляться. В этом персонаже Достоевского очевиден собирательный образ идеального христианина, для формирования которого в истории пра-

²⁴ См.: *Буданова Н. Ф.* Книги, подаренные Ф. М. Достоевскому в Оптиной пустыни // *София. Великий Новгород*, 2005. № 1. С. 32.

²⁵ См.: *Буданова Н. Ф.* Достоевский и преподобный Сергей Радонежский // *Достоевский: Материалы и исследования*. Т. 14.

²⁶ *Житие Святого Тихона Задонского*. Задонск, 2005. С. 98.

²⁷ См.: *Беловолов Г. В.* Старец Зосима и епископ Игнатий Брянчанинов // *Достоевский: Материалы и исследования*. Л., 1997. Т. 9.

вославия можно найти немало реальных оснований и конкретных примеров. Однако не исключено, что в качестве одного из претекстов истории жизни Алеши Карамазова, описанной на первых страницах романа, могло быть житие (написанное им самим) Григория Богослова (Назианзина), архиепископа Константинопольского.

В первой главе первой части «Братьев Карамазовых», описывая «историю одной семейки», писатель особо акцентирует внимание читателя на обстановке всеобщего упадка, разложения и разврата, царящей в Скотопригоньевске, и, в частности, в семье Карамазовых. Отметим, что подобно-го же рода ситуация описана в житии Григория Богослова. Каппадокия, откуда он был родом, считалась в эти годы несравненным гнездом разврата, а ее жители — «вероломными, лживыми и хитрыми». В те годы бытовала поговорка: «Змея, укусив каппакодийца, умерла»²⁸. Отец Григория Богослова, как и Федор Павлович Карамазов, был богатым человеком, далеким от христианского взгляда на мир, придерживался языческих верований и входил в «секту озаренных текстов»; правда, к концу жизни, под влиянием жены, крестился и даже стал архидьяконом. Мать будущего святого была настоящей христианской подвижницей. Время, в которое жил Григорий, было временем упадка и разрушения Римской империи, во многом способствовавшего быстрому распространению христианства в Европе. На этот период и коренную связь жития Алеши Карамазова со своим претекстовым прародителем намекает физиономия Федора Павловича, описанная в «Братьях Карамазовых»: «...плотоядный, длинный рот, с пухлыми губами, из-под которых виднелись маленькие обломки черных, почти истлевших зубов {...} вместе с кадыком настоящая физиономия древнего римского патриция времен упадка» (14, 22).

Основная заслуга Григория Назианзина как деятеля Православной церкви — борьба с арианской ересью, которая объединила его с другими «новоникейцами», главным из которых был Василий Великий. В основном, усилиями этих двух православных мыслителей было разработано

²⁸ См.: Жизнь и труды Григория Богослова // Творения во святых отца нашего Григория Богослова. М., 1994.

учение об ипостасной структуре Троицы, отвергающей арианскую концепцию «земной природы» Иисуса Христа и сведения Троицы к Единиче²⁹. Житие Григория Богослова повествует о том, как к нему на поклон прибыл некто Максим, который выявлял неистовое религиозное рвение и приверженность Православию, при этом беззастенчиво лебезил и льстил, стремясь, во что бы то ни стало, войти в доверие к окружающим. Этим он обманул всех, включая Григория Богослова, о чем он с горечью свидетельствует в своем житии³⁰. Возможным намеком на этот эпизод является сюжетная линия помещика Максимова в романе «Братья Карамазовы». «Преназойливый» и беспринципный «старичишка», по своим моральным характеристикам похожий на Федора Павловича Карамазова (в сниженном варианте), ведет себя так же, как Максим в житии Григория Богослова. Он пытается обратить внимание окружающих на свое религиозное рвение, во время молитвы выставляя «вперед, сложив пред собой ладошками руки, от особого благоговения», что не мешает ему затем пребывать в состоянии безмерного счастья, когда он выигрывает в карты «рублик» (14, 80, 385).

Предполагаемая аллюзивная сфера, связанная с текстами Григория Богослова в романе «Братья Карамазовы», могла бы включать в себя и философские эзерсисы Смердякова, по сути, развивающего тезисы арианской ереси. Таков вопрос Смердякова о противоречиях в Священном писании: «Свет создал господь бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет сиял в первый день?» (14, 114). Такой же характер имеет аналитическое рассмотрение отбора представителей разных религий в процессе Страшного суда (см.: 14, 117—120), в результате чего Алеша делает вывод о еретическом «не русском» характере веры Смердякова, а Федор Павлович намекает на сектантство, называя его «казуистом» и «иезуитом». Базовым пунктом философии ариан было безгра-

²⁹ Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим... С. 89.

³⁰ Максим, по словам Григория Богослова, был «хитер и пропырлив», «имел он предо мною такое преимущество, какое всякий искусный в беззакониях лстец имеет пред человеком, чуждым обмана и лести» (Там же. С. 99—105). См. также: Жизнь Св. Григория Богослова. С. 55—56.

ничное торжество разума, для которого не существовало никаких неразрешимых тайн; в чтении и толковании Священного Писания они широко применяли формальную логику³¹. Арианство было своего рода христианским позитивизмом, типологически близким к сравнительному богословию в исполнении Павла Смердякова. Подобно тому, как это делали ариане, Смердяков ищет логическое объяснение библейским реалиям, прилагая свой специфический рационализм к Священному Писанию. В этом смысле он настоящий сын своего отца: гордящийся своим обликом времен «упадка Римской империи» Федор Павлович также требует от Алеши объяснения, на каком металлургическом предприятии изготавливаются крючья, которыми мучают черти грешников в аду (см.: 14, 23).

О сосредоточенных размышлениях Достоевского во время работы над романом «Идиот» о возможности христоподобия в реальности современной ему России, связанных с арианской идеей земной природы Христа, говорит каллиграфическая запись «Arius», сделанная в записной тетради к роману «Идиот» в самом начале 1867 г.³² Ария (256–336), одного из ересиархов, чьи сочинения были уничтожены поколениями борцов с его концепциями, отлучили от Церкви за идею о несозданности Иисуса Христа Богом-отцом и даже сущностной противоположности Ему.³³

Описание внешности и характера Григория Богослова, совмещавшего биологическую молодость и духовную зрелость «старчества», заставляет вспомнить об Алеше Карамазове, юноше по годам и старце по духу: «...юноша ли он? — мужественно восстанет против страстей и воспользуется юностью для того, чтобы не повергнуться чему-либо свойственного юным, но в юном теле показать старческое благоразумие... Ибо содержит победу на общем позорище — на позорище вселенной, и победу не продажную.

³¹ См.: Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим... С. 147–149.

³² РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, ед. хр. 5, л. 11. См.: Барут К. А. «Ariman», «Arius»: Заметки о двух загадочных записях Достоевского // Достоевский и современность: Материалы VIII Международных старорусских чтений. Новгород, 1994.

³³ См. об этом: Williams R. Arius: Heresy and Tradition. London, 1987; Hanson R. P. C. The Search for the Christian Doctrine of God: The Arian Controversy. Edinburg, 1988.

самая благовонная роза, которая еще не раскрылась из своей оболочки, не имеющей ни цвета, ни запаха. Красный добротой паче сынов человеческих, он не даст и времени посмотреть на его внешность, обнажая зрителя в иному...»³⁴. Дмитрий Карамазов говорит: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил. Черт знает, что такое даже, вот что! Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой. В Содоме ли красота? Верь, что в Содоме-то она и сидит для огромного большинства людей, — знал ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы — сердца людей» (14, 100). В этих идеях Достоевского, вложенных им в уста его персонажа, обладающего «горячим сердцем», можно увидеть параллель к концепциям Григория Богослова. По мнению последнего, граница между добром и злом проходит через сердце человека, который состоит из совмещенных двух, нравственно идеального и практически житейского: «...наша брань — со врагом, внутрь нас воюющим и противоборствующим, который, оружием против нас употребляя нас же самих (что всего ужаснее!), предает нас греховной смерти»³⁵.

Со слов Зосимы Алеша записывает: «Смеются и спрашивают: когда же сие время наступит и похоже ли на то, что наступит? Я же мыслю, что мы со Христом это великое дело решим. И сколько же было идей на земле, в истории человеческой, которые даже за десять лет немислимы были и которые вдруг появлялись, когда приходил для них таинственный срок их, и проносились по всей земле? Так и у нас будет, и воссияет миру народ наш и скажут все люди: „Камень, который отвергли зиждущие, стал главою угла”» (14, 288). В своем девятнадцатом «слове» Григорий Богослов говорит о тех незаметных и безвестных страдальцах, которые подвигают человечество к Царству Божию: «Их — служителей и свидетелей тайн Божиих, презрителен в небесное, основателей нашего рода, опоры и венцы Веры, драгоценные жемчужины, камни храма, для которого основание и краеугольный камень — Христос, то есть прекрасной

³⁴ Жизнь и труды Григория Богослова. С. 378—379.

³⁵ Григорий Богослов. Слово 3 // Творения святых отцов в русском переводе с Прибавлениями духовного содержания, издаваемые при Московской духовной академии. М., 1843. Ч. 1. С. 30.

полноты Церкви, их пощадив или всецело воздав Богу, совершишь ты превосходнейшее дело и для них, и для себя, и для всех нас. И я желаю, чтобы это богатство пришло тебе от нас, а не великие сокровища золота и серебра, которые теперь существуют, но вскоре существовать не будут»³⁶.

Зосима находит оправдание бытию в его целесообразной организации и гармонии: «Всякая-то травка, всякая-то букашка, муравей, пчелка золотая, все-то до изумления знают путь свой, не имея ума, тайну божью свидетельствуют, непрерывно совершают ее сами, и, вижу я, разгорелось сердце милого юноши. Поведал он мне, что лес любит, птичек лесных; был он птицелов, каждый их свист понимал, каждую птичку приманить умел; лучше того как в лесу ничего я, говорит, не знаю, да и всё хорошо» (14, 267). Григорий Богослов: «...все прекрасно собирается к торжеству и радуется. Смотри, каково видимое! (...) Уже трудолюбивая пчела, расправив крылья и оставив улей, показывает свою мудрость, летает по лугам, собирает добычу с цветов, и иная обделывает соты, переплетая шестиугольные и одна на другую опрокинутые чашечки, и смыкая их попеременно, то прямо, то под углом, вместе для красоты и для прочности; а иная складывает мед в эти хранилища и возделывает для пришлого гостя сладкий и без плуга возвращенный плод. О если бы поступили так и мы, Христос пчельник, мы — имеющие перед собой такой образец мудрости и трудолюбия!»³⁷; «Подивись лучше природной смышленности бессловесных, и если можешь, представь на это свои объяснения. Как у птиц гнезда (будут ли это камни, дерева или кровли) устроены безопасно и вместе красиво, со всеми удобствами для птенцов? Откуда у пчел и пауков столько трудолюбия и искусства? У одних соты сложены из шестиугольных чашечек, обращенных одна на другую и укрепленных перегородками, которые в каждых двух чашечках пересекаются под прямым углом. И все это с таким искусством делают пчелы в темных ульях, когда их постройки не видимы. А пауки из тонких и почти воздушных нитей, протянутых в разных направлениях, и из веществ неприметных для взора, ткнут хитроплетенные ткани, которые бы служили им честным жилищем

³⁶ Григорий Богослов. Слово 19 // Там же. Ч. 2. С. 161.

³⁷ Григорий Богослов. Слово 44 // Там же. М., 1844. Ч. 4. С. 150.

и ловили немощных для пищи. <...> У какого Паламида найдешь такие движения и построения войск, хотя и они, как говорят, переняты у журавлей, которые летают строем и разнообразят свой полет?»³⁸. «Изящество и стройность единой Красоты» — один из важнейших мотивов всех со- рока пяти «слов» Григория Богослова.

«Райское веселие» было одной из любимейших тем свя- того Григория Богослова, который находил в нем истинно христианские основания вечной жизни. Рассказывая о ду- ховном просветлении своего брата-атеиста, Зосима также говорит о «веселии» как правильном состоянии носителя подлинно христианского сознания: «Матушка, не плачь, голубушка, говорит, бывало, много еще жить мне, много веселиться с вами, а жизнь-то, жизнь-то веселая; радост- ная!» — «Ах милый, ну какое тебе веселье, когда ночь го- ришь в жару да кашляешь, так что грудь тебе чуть не разо- рвет». — «Мама, — отвечает ей, — не плачь, жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы за- хотели узнать завтра же и стал бы на всем свете рай» (14, 262). (Эта мысль звучит в заключительных строках рас- сказа «Сон смешного человека» (25, 119)). Зосима гово- рит: «Говорят о пламени адском материальном: не иссле- дую тайну сию и страшусь, но мыслю, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг по- забылась бы ими страшнейшая сего мука духовная. Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их» (14, 293). Эта мысль близка к написанному Григорием Богословом, который утвержда- ет, что «временная казнь» (телесная) для человека несрав- ненно легче, чем «вечная казнь» (духовная), которая со всей неизбежностью придет при нарушении нравственного закона: «мучение оное адское несравненно ужаснее всякого мучения и смерти настоящая жизни... несравненно жесто- чае и ужаснее всякого суда человеческого, подвергающего временной казни, или смерти телесной»³⁹.

³⁸ Григорий Богослов. Слово 28 // Там же. Ч. 3. С. 42.

³⁹ Григорий Богослов. Слово надгробное на блаженную копчицу иже во святых отца нашего Василия Великого, Архиепископа Кесар- ри Каппадокийские // Богословский трактат, или Христианское рас- суждение о четырех последних человека. I. О смерти. II. О суде.

В «Братьях Карамазовых» описывается поразившее монашескую братию тление покойного старца Зосимы; это, становится настоящим искушением для героев романа, в их глазах проблема обретает характер философско-богословского феномена. Следует отметить, что проблема «тленного тела» — одна из тем, поднятых Григорием Богословом в его «Поэме на несчастья его жизни». Если от Зосимы ожидают чудесной сохранности его тела после смерти, то Григорий Богослов, напротив, свидетельствует, что его тело начало разлагаться и истлевать уже при его земной жизни⁴⁰. Объяснение этому заключается в том, что он давно уже мертв для Земли, как он говорит, «яко уже мертв есмь»⁴¹, однако это прижизненное тление и есть признак того, что его душа полностью принадлежит Господу, что он действительно «предает себя» Богу, освобождаясь от своего тела как лишнего и тягостного балласта. В другом тексте Григорий Богослов утверждает, что подлинное призвание христианина — освобождение себя от телесности, так как телесность отсутствует у Бога, Он не может быть «телом в телах», или даже «телом невещественным»⁴². Если принять эту логику, то Зосима в «Братьях Карамазовых» «провонял» не случайно, выражая этим меру его ухода от телесного и, одновременно, максимального приближения к высшему духовному состоянию.

В разделе «Таинственный посетитель» Зосима рассказывает Алеше о человеке, который пришел его убить, однако, раскаявшись, отказался от этой идеи (см.: 14, 273—283). Сходная история содержится в житии Григория Богослова. Он рассказывает, что однажды к нему пришли люди, среди которых был «один молодой человек, бледный, с долгими волосами; одежда его показывала печаль чрезвычайную», а когда посетители вышли, «молодой человек вдруг, и как бы в ужасе, бросился к ногам моим, не

III. О муках геепских. IV. О радостях небесных. С присовокуплением надгробного слова, говоренного Святым Григорием Назианзином на блаженную кончину Святого отца нашего Василия Великого, архиепископа Кесари Кашпадокийские. СПб., 1795. С. 116.

⁴⁰ «Святого Григория Назианзина Поэма на несчастья в его жизни» // Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим... С. 300.

⁴¹ Там же. С. 296.

⁴² Святого отца нашего Григория Назианзина пять слов о Богословии. СПб., 1841. С. 29.

говоря ни слова. Вопрошаю его: кто он, откуда, и зачем он, вместо ответа, стонал, вопил, вздыхал и ломал руки. Зрелище сие исторгнуло слезы из глаз моих. Когда же насильно его от меня вывели, он убийца твой, сказал мне один из находящихся; но Бог вразумил его, и совесть мучающая его, привела к тебе принести раскаянье. Тепер льет слезы за кровь, которую пролить был намерен». И ход этой истории в житии Григория Богослова сходный описанным в поучениях старца Зосимы: святитель «уверил злосчастного сими словами: да сохранит тебя Бог, а мн им сохраненному, должно быть человеколюбивым к тебе. Как пишет в заключение Григорий Богослов, эта история «умягчила сердца всех жителей цареградских»⁴³.

Особый интерес вызывает «поэма» Григория Назианзина, написанная прозой и представляющая собой лирическое философское эссе. В жанрово-стилевом отношении она в большой степени сходна с «Поучениями» старца Зосимы: «...два пути ведут человека к смерти. У одних сердце есть источник беззакония. Неправда, суетность, чувственные сладости, злые помышления доводят их до всякого грехопадения. Слепота им нравится, и они гибнут с веселием. Другие созерцают Бога чистым и умным оком. Тщеславная гордость мира сего — мерзость им есть; они превозводят житие свое в неизвестности и в отдалении от сумирских, попирая легкою ногою землю, грядущих, куда Господь зовет их. Приобщаясь тайнам сокровенного жития Христова, откроются они некогда во славе и сиянии. И под ногами их рождается колючее терние; нужда обременяет их, и лукавый употребляет тысячи козней в их погубление. Часто предлагает им зло под видом блага; не будучи в силах победить их, явно обманывает и прельщает их»⁴⁴.

Нужно отметить, что повествовательная стратегия Григория Богослова определяется, фактически, исповедью временами переходящей в молитву. Адресатом текста является или Бог, или человек, или одновременно: Бог и окружающие люди; такого же типа нарративная интенция наблюдается и в «Поучениях» старца Зосимы.

⁴³ Житие Св. Григория Назианзина, писанное им самим. С. 180—182. См. также: Жизнь Св. Григория Богослова. С. 60—61.

⁴⁴ «Святого Григория Назианзина Поэма на несчастья в е жизни». С. 239—240.

